

Михаил Серёгин

Большой ментовский переполох

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Серёгин, М.

С32 Большой ментовский переполох / М. Серёгин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 350 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00314-0

Казалось бы, наша великолепная шестерка прошла и огонь, и воду, и никакие испытания ей уже не страшны! Но судьба в лице главаря бандитской группировки Лысого подбросила им испытание не водой, а... водкой! И, представьте, юные курсанты не смогли его выдержать. С одной стороны, это свидетельствует об их высоком моральном облике, а с другой - стало причиной очень крупных неприятностей.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00314-0

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Глава 1

Зима в этом году в Зюзюкинске выдалась очень морозной. Уже почти неделю на улицах города не наблюдалось привычного оживления, зюзюкинцы без особой нужды из дома старались не выходить, а если и выходили, то чуть не бегом добирались до места назначения, опасаясь отморозить себе нос, уши и другие части тела, не прикрытые одеждой. Снег со льдом покрывал уличный асфальт, и это создавало жителям города огромные трудности при передвижении как на транспорте, так и на собственных ногах. Коммунальные службы категорически отказывались посыпать дорожки для прохожих солью или на худой конец песком. Это приводило к тому, что прохожие падали, ломали ноги, руки, в лучшем случае получали ушибы.

Особенно много таких неприятных случаев бывало на площадке перед проходной единственного в Зюзюкинске огромного производственного предприятия — мясокомбината имени Любоедова. Гостей города это название весьма удивляло, а тех, кто был более чувствителен, даже пугало. Чтобы дать мясокомбинату такое имя, надо быть или большим шутником, или же манья-

ком-извращенцем. Однако на самом деле все объяснялось просто! Семен Петрович Людоедов был основателем мясокомбината, но никакого каннибализма за ним не наблюдалось в течение всей его жизни, вплоть до кончины, впрочем, как и за всеми его родственниками, которые до сих пор занимали руководящие посты на предприятии. Сын Семена Петровича, Константин Семенович Людоедов, после смерти отца взял бразды правления мясокомбинатом в свои руки.

Константин Семенович директором был хорошим, вот только о благе сотрудников, включая своих родственников, не особенно заботился. Его голову занимала одна мысль: произвести столько колбасы, чтобы можно было накормить не только весь город, но и всю область. Неудержимое стремление к увеличению продукции сказывалось не только на ее качестве, но и на самой жизни мясокомбината, который работал круглосуточно. Рабочие в поте лица, сменяя друг друга, трудились днем и ночью. Правда, их стремления были не так возвышенны и масштабны, как у их директора. Тех, кто приходил наниматься сюда на работу, привлекало только одно — довольно высокая заработная плата, а остальное, как они считали, уже мелочи жизни. Вот одной такой мелочью и была площадка перед проходной, сплошь покрытая гладким как зеркало льдом. Люди выходили из проходной, поскользывались, падали, ломали... В общем, все по обычному сценарию. То и дело до вахтеров доносились чьи-то ругательства и проклятья в адрес городских служб, безобидного директора Людоедова, зимы, да и всей своей несчастной жизни.

Не обошлось без такого казуса и в это раннее морозное утро. Молодая женщина вышла из проходной, громко стуча каблучками зимних сапожек и высоко подняв голову. Она вдохнула морозный воздух, улыбнулась каким-то своим мыслям, сделала несколько семенящих шажков и, не удержавшись на скользком льду, взмахнула руками и с воплем грохнулась на самое мягкое место своего тела.

— Вот, еще одна, — почему-то злорадно усмехнувшись, сообщила вахтерша тетя Марина своей напарнице, молоденькой девушке Лене.

— А мне ее жалко, — выглянула из окошка Лена. — Может, помочь?

— Не старуха, сама встанет, — огрызнулась тетя Марина.

— И почему площадку песочком не посыпят? — вздохнула Леночка, подперев щечку кулачком и наблюдая, как пострадавшая работница мясокомбината, дрыгая ногами и руками, безуспешно пытается подняться на ноги. — Что за начальство у нас...

— Не начальство виновато, а сами люди, — перебила ее наставница по работе.

— Это еще почему? — удивилась Леночка.

— А потому, что обувь надо подбирать в соответствии с погодой и состоянием наших улиц, а не гнаться за модой. Вот у тебя, например, сапоги на каблуках? — спросила тетя Марина, заглядывая под стол, чтобы разглядеть обувь своей ученицы.

— Нет, я зимой каблуки не ношу, — высунула Леночка из-под стола свою стройную ножку в замшевом сапожке на плоской подошве. Причем сделала

она это так резко, что чуть не угодила в нос тете Марине, которая, впрочем, не обратила на это никакого внимания и продолжила поучать сидящую напротив неразумную представительницу современной молодежи:

— Правильно, потому ты и не падаешь, а эта напаялила каблучищи и еще хочет на таком льду удержаться. Нет, что ни говори, а лучшая обувь при наших зимах да властях — это валенки, а не то, что надето на ней, — заявила тетя Марина.

Леночка, которая не привыкла перечить старшим, молча согласилась со своей наставницей, и они вместе принялись наблюдать за все еще барахтающейся на льду любительницей каблучков, которой в этот момент приходилось несладко.

Звали несчастную жертву современной моды Натальей Александровной Мартышкиной. Она как раз закончила ночную смену и вышла на улицу, предвкушая скорое возвращение домой. Упала она неожиданно и довольно ощутимо. За последний месяц это было ее пятое, а может, шестое или седьмое падение, сейчас Наталья не могла точно припомнить.

Женщина попыталась встать на ноги, но у нее не получилось. То ли лед сегодня был особенно скользким, то ли сказывалась усталость после ночной смены, проведенной в душном разделочном цеху, но ноги упорно отказывались подчиняться своей хозяйке и при каждой попытке Натальи переместить на них вес своего тела дружно разъезжались в стороны.

— Вот блин, — совсем некрасиво ругалась красивая женщина. — Что же это такое?

Больше всего она волновалась не оттого, что упала и больно ударилась, хотя и с тоской подумала, что на зад у нее теперь будет огромный синяк, который ревнивый муж наверняка отнесет к очередному злодеянию несуществующего Наташиного любовника. Мартышкина, будучи несколько закомплексованной и стеснительной женщиной, боялась, что кто-нибудь из знакомых увидит ее распластавшейся на льду, расскажет другим знакомым, те третьим... В результате над ней будет смеяться половина города. Так думала Наталья, не подозревая о том, что собратьев по несчастью у нее как раз эта самая половина населения Зюзюкинска.

Однако по прошествии десяти минут, проведенных в безуспешных попытках снова подняться на ноги, Мартышкина так утомилась, что ей стало наплевать на мнение окружающих, и она решила просто уползти с опасной для жизни площадки. Женщина встала на четвереньки, мысленно попрощалась со своими колготками, повесила на шею сумочку, чтобы не мешала передвижению, и поползла.

— Глянь-ка, совсем баба рехнулась, — закатилась от смеха тетя Марина.

— А я бы тоже так сделала, — забыв, что наставнице лучше не перечить, высказала свое мнение Леночка.

Наталья тем временем добралась до края тротуара, нащупала руками в перчатках притоптанный снежок и наконец благополучно приняла вертикальное положение. Затем она подсчитала потери от падения, которых оказалось целых три — порванные колготки, оторвавшаяся от дубленки пуговица и возможный синяк на мягком месте, и облегченно вздохнула. «Надеюсь,

никто меня не видел?» — мысленно вернулась она к своим прежним переживаниям, затем огляделась и, никого не заметив, засемила к автобусной остановке, чтобы успеть на первый автобус.

Невольные свидетельницы позора Натальи Александровны — Леночка и тетя Марина — проводили Мартышкину взглядами и вернулись к своим обязанностям.

Наталья Александровна, или просто Наташенька, как ее звали родные и знакомые, проживала почти в центре Зюзюкинска со своим мужем Николаем, или просто Коляном Мартышкой. Они поженились всего полгода назад и теперь налаживали семейный быт в Наташиной двухкомнатной квартире, доставшейся ей от бабушки.

Колян был парнем видным, можно даже сказать красивым, но уж слишком ревнивым, что Наташу одновременно и радовало, и угнетало. А еще Коляка обожал всех разыгрывать, причем зачастую его розыгрыши оказывались не только несмешными, но и попросту злыми. Однако Наташа все равно любила Николая таким, какой он есть, и сейчас, выбравшись на своей остановке из автобуса, сломя голову понеслась домой.

На улице в этот ранний час было пустынно, только изредка попадались прохожие.

Мартышкина добралась до своего подъезда, поднялась на третий этаж, достала ключи, открыла дверь и на цыпочках, чтобы не разбудить Колю, вошла в квартиру.

Здесь она быстро скинула дубленку, сапоги, сняла шапку и пошла в спальню. Она сразу же заметила за-

стеленную кровать, поняла, что муж, невзирая на ее постоянные упреки, снова завалился спать в гостиной на диване.

— Вот балбес, — ласково отругала мужа Наташа. — Наверняка без подушки опять уснул.

Сказав это, Мартышкина схватила с кровати подушку и направилась в гостиную, дабы создать своему любимому супругу все условия для хорошего сна.

Николай действительно лежал на диване без подушки под головой, но зато накрытый теплым пледом. Наташенька подошла к дивану и тихо позвала:

— Колюня, Коленька, поднимись на минуточку, я тебе подушечку под голову подложу.

Однако Коля так крепко спал, что на зов никак не отреагировал.

— Ну, Коля, давай же, — тронула его за плечо молодая женщина. — Или отправляйся в спальню.

Муж и теперь просыпаться не хотел.

— Ах, так, — разозлилась Наташа. — Ну тогда держись! — Она размахнулась и хлопнула подушкой по спине супруга.

От этого действия плед сполз с Николая и обнажил его голый торс, залитый кровью. Даже в сумерках Наталья поняла, что это именно кровь. Она не закричала, не заплакала, не впала в транс, а просто отпрыгнула назад как ошпаренная и брезгливо отшвырнула от себя подушку. Подушка с глухим звуком шлепнулась на пол, и это привело Наталью в чувство. Она встрепенулась, сделала шаг вперед, наклонилась и дотронулась до лба мужа. Лоб был сухим и едва теплым. «Значит, умер недавно», — отстраненно подумала Мартышкина, развернулась и пошла в прихожую.

Здесь она схватила телефонную трубку, набрала номер милиции и стала ждать. Все это она делала механически, как будто бездумно повиновалась чьей-то чужой воле. В отделении трубку взяли только после третьего гудка.

— Дежурный Симоненко слушает, — раздался слегка хриплый мужской голос.

— Милиция, моего мужа убили, — ровным голосом сказала Наташа.

Дежурный такому сообщению нисколько не удивился, а только спросил:

— Какой у вас адрес?

— Улица Братьев Grimm, дом пять, квартира двадцать три, первый подъезд, третий этаж, — дала указания женщина и повесила трубку.

Затем она развернулась, сделала шаг к гостиной, и в этот момент жуткий душераздирающий звон заполнил ее уши. Наталья охнула, не выдержала и начала медленно оседать на пол, теряя сознание...

Наташа очнулась от холода. Она открыла глаза, вздохнула и села, прислонившись спиной к стене прихожей. И тут же она вспомнила, почему оказалась лежащей на полу. «Коля мертв», — пробила мозг страшная мысль, и спазм рыданий сжал горло женщины. Правда, вволю поплакать ей не удалось, потому что в этот момент в квартиру позвонили.

Наталья поднялась и открыла дверь. На пороге стояли двое милиционеров и какой-то мужчина в короткой кожаной куртке на меху и потертых джинсах. Он-то и начал говорить первым:

— Вы милицию вызывали?